

DOI 10.15393/j9.art.2017.4561

УДК 821.161.1.09“18”, 821.161.1.09“1917/1992”

Дарья Александровна Завельская*Московский православный институт**св. Иоанна Богослова**(Москва, Российская Федерация)*

daralzav@gmail.com

МОТИВ БЛАГОВЕСТВОВАНИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ Н. С. ГУМИЛЕВА

Аннотация. Исторически мотив Благовествования (радостной вести о спасении человечества) присутствовал в различных жанрах христианской литературы. Сегодня в литературоведении актуальным становится изучение не только текстовых параллелей с Евангелием, но и модели мира, воплощенной в художественном тексте. Предмет данного исследования — мотив Благовествования и художественные средства его воплощения в корпусе произведений Н. С. Гумилева. При анализе произведений Гумилева (поэмы «Блудный сын», поэтической драмы «Гондла», стихотворений «Канцона вторая» и «Городок») учитывается полемика между представителями русского модернизма. Освоив школу символистской поэтики, Гумилев в своих произведениях воплощает иную концепцию земного бытия — не противопоставленного духовности. «Поэтическая проповедь» Гумилева о просветленном земном бытии проанализирована в контексте его полемики с философией Ф. Ницше. В статье показано, что мотив Благовествования уже с 1911 г. становится одним из ключевых в творчестве Гумилева, влияет на выбор сюжетов и образов, объединяет произведения разных жанров, воплощает в их эстетике христианскую картину мира, ценности и этику. В поэтике произведений прослеживается концептуальный смысл вновь обретенного Эдема как элемента картины мира.

Ключевые слова: Н. С. Гумилев, «Гондла», «Блудный сын», Благовествование, поэтическая проповедь, жанр, образ, сюжет, мотив, христианская картина мира

Мотив Благовествования (εὐαγγέλιον — «благая весть») появился в самых ранних жанрах христианской литературы, в дальнейшем он обогащался дополнительными значениями в церковных и в светских произведениях. Свидетельство о Воскресении и избавлении от первородного греха легло в основу христианской культуры в целом. Изучение ее должно опираться на строгие исследовательские

принципы, учитывающие в том числе генезис и семантику жанровой поэтики в культурно-историческом аспекте (см. об этом, напр.: [2, 20]).

В истории русской литературы мотив Благовествования нашел свое выражение и в проповедях, и в агиографии, и в светских летописных текстах, и в знаменитом «Поучении Владимира Мономаха». Параллельно с этим пластом национальной словесности развивалась церковная литургическая поэтика, воспринятая из византийской традиции через церковнославянские тексты.

Воздействие Благой вести на русскую культуру совершенно справедливо отмечено В. Н. Захаровым как универсальное и смыслообразующее: «Благая весть, воспринятая с Крещением Руси, образовала Русский Миръ» [4, 31]. Оно подразумевает и многообразие выразительных средств, и различие авторских подходов.

Современная концепция, жестко поляризующая секулярный и сакральный сегменты культуры, нередко создает ощущение, что церковная и светская эстетика формировались в разных сферах. Однако секуляризация литературы полностью не реализовывалась никогда, даже в период официального государственного богоборчества, и свидетельствует об этом не только присутствие в светских жанрах тех или иных религиозных мотивов, но и сущностная роль евангельского и литургического смысла в организации «внутренней формы» светских текстов. Но как реализовывать подлинно научную, не случайную и не субъективную интерпретацию этой роли?

В процессе преобразований культуры и науки на постсоветском пространстве возник подход, который можно назвать «экзегетическим»: поиск в произведениях светской литературы интертекстовых и мотивных параллелей с вероучительными текстами и догматами и интерпретация произведений на основе данных параллелей. Но может ли подобный метод быть признан правомерным в контексте исторической поэтики, если исследователь выстраивает прямые соответствия между священными текстами в их богословском осмыслении и сущностью образа в светском произведении без учета историко-культурной трансформации и других факторов, влияющих на стилистику и актуальную семантику конкретного текста?

Разумеется, отыскание в светской литературе параллелей со Священным Писанием и святоотеческими трудами необходимо включать в литературоведческий анализ, но остается актуальной задача продемонстрировать место и роль выявленного соответствия в светском художественном произведении. Влияние Евангельского текста на культуру в целом и литературу в частности необходимо изучать не только в плане обнаружения прямых или косвенных текстовых параллелей, но и как первичный содержательный фактор, образующий широкую многовариантность форм и мотивов. Значимое воздействие этого фактора должно проследиваться в целостной системе конкретного произведения или общей картине мира, присущей конкретной культурной сфере.

«Экзегетический» подход применялся и к творчеству Н. С. Гумилева (см., напр.: [5, 372]), однако необходимо сопоставить вероучительные мотивы со сложным комплексом литературных исканий эпохи в области формы и смысла.

В 1911 году Гумилев совместно с группой единомышленников организовал первый «Цех поэтов», положивший начало направлению акмеизма, более ранний вариант названия которого — «адамизм».

Серьезного внимания заслуживает тот факт, что основным камнем преткновения между символистами и основателем «адамизма» стала его поэма «Блудный сын» (1912), прочитанная еще в общем творческом кругу (см. об этом: [15, 361]).

Можно признать вполне обоснованным мнение В. Шубинского о сути расхождения Гумилева с влиятельным символистом Вяч. Ивановым: «Что-то неуловимое вставало между ними — относящееся скорее к человеческой и творческой природе обоих, чем к идеям» [15, 316]. И вот это «неуловимое» мы гипотетически можем соотнести с новым ощущением бытия, которое уже в поэме «Блудный сын» поэт передавал органично и целостно, в том числе через концептуальный смысл поэтики утраченного и вновь обретенного Эдема как элемента картины мира. По мнению О. Пороль, именно библейские мотивы в лирике Гумилева позволяют преодолеть «раздвоенность символизма» и означают «стремление к целостности» [11, 29]. Но в чем была сущность этого единства?

Символисты в своем понимании «вертикали» противопоставляли, вслед за немецкой классической философией и романтизмом, «идеальное» и «реальное» как аналог «небесному» и «земному», что, однако, не совпадало во многих аспектах с христианским вероучением.

Освоив школу символистской поэтики, Гумилев в «Блудном сыне» предлагает иную концепцию «земного»: отец встречает сына щедрыми дарами и пиром, но еще ранее сам отчий дом предстает как плодоносное и возделанное пространство.

Традиционная экзегеза (в том числе и в литургике Недели о блудном сыне) этой притчи подразумевает возвращение к Богу через покаяние; возвращение, в определенном смысле, к утраченному райскому блаженству и единству с Отцом Небесным: «Встал и пошел к отцу своему. И когда он был еще далеко, увидел его отец его и сжалился; и, побежав, пал ему на шею и целовал его. Сын же сказал ему: отче! я согрешил против неба и пред тобою и уже недостоин называться сыном твоим. А отец сказал рабам своим: принесите лучшую одежду и оденьте его, и дайте перстень на руку его и обувь на ноги; и приведите откормленного теленка, и заколите; станем есть и веселиться! ибо этот сын мой был мертв и ожил, пропадал и нашелся. И начали веселиться» (Лк. 15:20–24). Дары и блага должны в любом случае восприниматься как свидетельство Божьей щедрости. А воспоминание героя поэмы соотносится с мотивом возвращенного рая:

И в горечи сердце находит уладу:
Вот сад, но к нему подойти я не смею,
Я помню... мне было три года... по саду
Я взапуски бегал с лисицей моею.

Я вырос! Мой опыт мне дорого стоит,
Томили предчувствия, грызла потеря...
Но целое море печали не смоем
Из памяти этого первого зверя¹.

В данном случае Евангельский сюжет не просто задан как тема испытаний и покаяния, но развернут в эмоционально и ценностно насыщенных образах: герой вернулся в изобильный

и радостный Эдем, где дитя когда-то свободно играло с хищным зверем.

Уже из этого видно, что отличие нового литературного течения от символистов не сводилось лишь к предпочтению «земного» и «вещественного», — сами представители акмеизма не сходились в философской интерпретации природных, натуралистических образов. Библейские мотивы позволяют выявить ценностно-мировоззренческие установки Гумилева в единстве с эстетическими принципами (см. об этом: [14, 118–119]).

Проследим последовательное развитие мотива Благоветствования в творчестве Гумилева. Определенное смысловое родство с поэмой «Блудный сын» в переживании земного бытия как высшего дара просматривается в одной из его последних пьес — поэтической драме «Гондла» (опубл. 1917). И хотя в пьесе присутствует полярность «дня и ночи», земной и небесной жизни, свойственная романтизму и преобразованная символизмом, — это не основная оппозиция. Основная: «людям-волкам» (викингам) противостоят «люди-лебеди», то есть ирландцы, христиане. Об этом идет речь еще в эпиграфе:

В Исландии <...> столкнулись в IX веке две оригинальные, нам одинаково-чуждые культуры — норманнская и кельтская <...>, встретились скандинавские воины-викинги и ирландские монахи-отшельники, одни вооруженные — мечом и боевым топором, другие — монашеским посохом и священной книгой (2, 52).

Заглавный герой, ирландский королевич Гондла, христианин и песнопевец, чужд всему окружению, в котором вынужден пребывать, — скандинавским язычникам, проповедующим силу и своевластие как «мораль земли». Принятый (формально) викингам в их королевстве как наследник престола, он отвергаем за христианскую веру и «слабость». Гондла действительно горбат и немощен и, на первый взгляд, ничего не может противопоставить «людям-волкам». Однако, отказываясь от поединка после жестокого обмана и оскорбления, он возлагает надежду на пение, проповедующее иную, «лебединую», т. е. христианскую правду:

Лютню, лютню! Исчезнет злословье,
Как ночного тумана струи,
Лишь польются мои славословья,
Лебединые песни мои (2, 67).

Подлинным оружием поединка в понимании героя должна стать *поэтическая проповедь*, просветляющая сердца и вызывающая к иному этическому закону, выводящая протivостояние на духовный уровень.

В пьесе герой несколько раз переходит именно к такой поэтической форме, близкой торжественно-просветленному песнопению, первый раз — в диалоге с невестой:

Значит, правда открылась святым,
Что за бредами в нашей крови
И за миром, за миром земным
Есть свободное море любви.
Серафимы стоят у руля
Пестропарусных легких ладей,
А вдали зеленеет земля
В снеговой белизне лебедей.
Сердце слышит, как плещет вода,
Сердце бьется, как птица в руке,
Там Мария, Морская Звезда,
На высоком стоит маяке (2, 59).

Позже, уповая на силу слова, он обращается уже к одному из викингов:

Поднимаются тонкие шпили
(Их не ведали наши отцы) —
Лебединых сверкающих крылий
Устремленные в небо концы.
И окажется правдой поверье,
Что земля хороша и свята,
Что она — золотое преддверье
Огнезарного Дома Христа (2, 61–62).

В данных фрагментах отчетливо звучит мотив «святости» земного мира, но лишь в той мере, в которой на земле осуществляется провозвестие новой жизни — «моря любви», данного

Христом. В этом «море» преображенная земля становится «кораблем светлокрылым» (2, 89), а образы моря и морского пути в творчестве Гумилева всегда обладали философско-бытийным смыслом [7, 109].

Ни в одном из этих монологов Гондлы нет ни очевидной параллели, ни косвенной реминисценции, относимой к тексту Евангелия. Благовествованием можно считать саму суть его слов; воспевание бытия в его вновь обретенной одухотворенной цельности для героя и есть — *деяние*.

Ближе к финалу христианские воины появляются, показывая не меньшую физическую силу, нежели у викингов, при этом обнаруживая и то, чего нет у «людей-волков», — подлинную силу духа: «Лебединые клювы сильны» (2, 84).

Несомненно, противопоставление викингов и христиан в данной пьесе знаменует отход Гумилева от приверженности идеям Ф. Ницше. Некоторые сюжетные элементы отчетливо демонстрируют полемичность относительно книги немецкого мыслителя «Антихрист. Проклятие христианству», которая в русском переводе В. А. Флеровой (1907) была смягченно названа «Антихристианин» (см. об этом: [5])², хотя оригинальное название именно “Der Antichrist. Fluch auf das Christenthum”. Противопоставить антихристианской проповеди Ницше нужно было нечто весомое, онтологически насыщенное. Такой насыщенной формой и становятся песнопения королевича Гондлы, разворачивающие картину бытия, преображенного Христом.

Биографический контекст создания пьесы представлен в последней редакции книги В. Шубинского «Зодчий» [15, 464–469], однако сложно сказать, был ли знаком поэт с работами по ирландской гимнографической традиции. Это — тема отдельного исследования, но стоит заметить, что природные образы в этой традиции значат очень много, равно как и сама музыкально-поэтическая форма, начиная с легендарного «Крика оленя» (см. об этом: [9]), известного также под названиями «Мольба оленя» или «Щит св. Патрика».

Стоит упомянуть влияние на образную систему и сюжет «Гондлы» одного из малоизвестных произведений Г. Х. Андерсена — сказки «Дочь болотного царя» (“*Dynd-Kongens Datter*”, 1858)³. Однако ее героиню Хельгу, воспитанную у викингов, юный христианин приводит к вере, полностью освобождая от двойственности «дня и ночи»⁴, тогда как в произведении Гумилева Лера (Лаик) подхватывает лишь один из мотивов христианских песнопений своего брата и уплывает в неведомую даль с песней о любви.

В двойственном образе героини обнаруживается не только сложность взаимоотношений Гумилева с Ларисой Рейснер, к которой поэт в письмах обращался Лери (см. об этом: [1, 26–27], [15, 469–470]), но и скрытая полемика с ее мировоззрением, в котором «социалистическая идеология органично сочеталась с ницшеанской этикой и эстетикой» [15, 457].

Но в данном контексте важнее, какую именно альтернативу Гумилев противопоставляет ницшеанской «земной» философии: это не чистая ментальная бесплотность, но та же земля, однако более светлая и целостная. В определенном смысле это спор с самой концепцией христианства в «Антихристе», которая описана как отравляющее радость, бесплодное и безвольное учение (см. об этом: [5; 18, 32, 37, 45, 61, 71, 74, 79, 94]). В поэтической драме Гумилева предстает совершенно иное христианство — не враждебное людям, не уничтожающее силу духа, но дающее силу слабым; не отрекающееся от реальности, но озаряющее ее.

По мнению философа Ф. Степуна, «подлиннен тот человек и, прежде всего, только тот художник, для которого истина — не отвлеченно стоящая перед ним идея, а кровь и плоть его духовно-душевно-телесного существа» [13, 681]. Такая подлинность воплощена художественным построением пьесы: все образы и сюжетные линии сходятся в финальном аккорде духовной победы «лебединого» начала над «волчьим». Христианский королевич гибнет, открывая бывшим приверженцам дикой свирепости новый смысл силы — способность к самоотречению и преодолению смерти:

Конунг

Гондла добыл великую славу
И великую дал нам печаль.

Снорре

Да, к его костяному составу
Подмешала природа и сталь.

Груббе

Я не видел, чтоб так умирали
В час, когда было все торжеством.

Лаге

Наши боги поспорят едва ли
С покоряющим смерть Божеством (2, 90).

Новую ценностную установку поэта подтверждает присутствие сходных мотивов в стихотворении «Канцона вторая», над текстом которого Гумилев работал уже после завершения «Гондлы»: стихотворение вошло в сборник «Костер» (1918) и почти одновременно было опубликовано в «Ниве» (№ 30).

Уже с первых его строк священный смысл земного бытия становится одним из главных мотивов:

Храм Твой, Господи, в небесах,
Но земля тоже Твой приют.
Расцветают липы в лесах,
И на липах птицы поют.
Точно благовест Твой, весна
По веселым идет полям,
А весною на крыльях сна
Прилетают ангелы к нам (1, 221).

Вся природа здесь — свидетельство о Боге и красоте Его творческой воли. Весна благовествует пасхальное обновление. Помимо этого, в «Канцоне» обнаруживается еще один близкий «Гондле» мотив «праведного пения»:

Если, Господи, это так,
Если праведно я пою,

Дай мне, Господи, дай мне знак,
Что я волю понял Твою (1, 221).

Собственно, Благовествование христианского королевича в пьесе выражено таким пением, в котором Гумилев видел свое призвание и следование культурной традиции, нередко отождествляя трагический путь вымышленного героя-поэта с собственной судьбой (см. об этом: [8, 98–99]).

В рукописном варианте «Канцоны» (так называемый «Лондонский альбом» Гумилева), опубликованном затем в сборнике «К синей звезде» (см. об этом: [12, 575]), смысловое родство с пьесой предстает еще отчетливей через образ, связующий небо и землю:

Переброшен к нам светлый мост (1, 527).

В том же сборнике «Костер» было опубликовано стихотворение «Городок», написанное в 1916 году. Оно впервые появилось в альманахе «Солнце России» (1916, № 317 (11), 12 марта) без заглавия и вызвало негодование А. Блока, чьи резкие пометы на полях сборника говорят о принципиальном неприятии поэтизации «мещанского быта» (см. об этом: [3, 382–385]).

Совершенно справедливо Ю. В. Зобнин видит в творчестве Гумилева данного периода отход от хилиастического мировоззрения [5; 368–369, 371]. Мотив Благовествования, дважды повторенный в стихотворении «Городок», соответствует аналогичному мотиву в «Гондле» и «Канцоне второй»:

На базаре всякий люд,
Мужики, цыгане, прохожие, —
Покупают и продают,
Проповедуют Слово Божие (1, 211).

И в финальной строфе:

Крест над церковью взнесен,
Символ власти ясной, Отческой,
И гудит малиновый звон
Речью мудрою, человеческой (1, 211).

Слово Божие Гумилев намеренно встраивает в житейский, «площадной» контекст, акцентируя этим уже явленную Весть,

перед которой малое не может быть «низким» и для воплощения которой необходимо служение, а не разрушение.

Стихотворение «Городок» было опубликовано до окончания работы над «Гондлой». Мотив колокольного Благовеста в нем обладает тем же значением, что и в песне:

Слышу, слышу, как льется победный,
 Мерный благовест с диких высот,
 То не колокол гулкий и медный —
 Лебединое сердце поет (2, 62).

Только в «Гондле» поет не колокол, а «лебединое», то есть христианское сердце. Оно, по сути, вещает об обновленном мире после искупления. Эта переключка проясняет смысл «человечьей жизни» в «Городке»: земное залито небесным светом, а не противопоставлено небесам. В невинном, благословенном свыше пространстве жизнь духовна, потому что осмыслена взаимной радостью, плодоносностью простых повседневных дел. В тексте определенно проявляются черты идиллии — в ее полновесном *этическом* значении, тождественном Эдемскому образу отчего дома и сада в «Блудном сыне» (см. об этом подробнее: [3, 19–22]).

Как верно отметили Л. Г. Кихней и Е. В. Меркель, «реабилитируя быт, акмеисты сформировали новую картину мира, согласно которой все бытие предстало как некая органическая целостность, уровни которой тождественны друг другу. И художник, не выходя за пределы чувственной реальности, может постичь законы мироустройства» [6, 135]. Но для русской литературы такая целостность в контексте христианского мировосприятия не становится чем-то принципиально новым. Она просматривается, начиная с древнерусских текстов («Поучение Владимира Мономаха», «Слово на антипасху или в новую неделю по Пасхе» свт. Кирилла Туровского, «Слово о гибели Рускыя земли и по смерти великого князя Ярослава» и др.), проходит сквозь различные жанры, включая отечественную агиографию, лирику Г. Р. Державина, В. А. Жуковского, А. А. Дельвига, а позднее — А. К. Толстого, А. Н. Майкова, Я. П. Полонского.

Можно предположить, что Гумилев стремился «обновить» именно эту традиционную модель мировосприятия новыми поэтическими средствами, акцентируя мотив Благовествования в своем понимании «адамизма».

Проблема следования традиции осложнена тем, что в указанных произведениях Гумилев не стремился подражать средневековому гимну и канцоне или вариантам идиллических жанров, сознательно отказываясь от популярной в то время стилизации, но воспроизводил их внутреннюю семантику / смысловые структуры.

Таким образом, именно мотив Благовествования на определенном этапе творчества Гумилева становится одним из ключевых: влияет на выбор сюжетов и образов, связывает произведения разных жанров, создает христианскую картину мира, воплощает ценности и этику.

Возможно, именно этим объясняется «сладость даже трагической жизни как торжества бытия над небытием» в произведениях Н. Гумилева [7, 101].

Примечания

- ¹ Гумилев Н. С. Собр. соч.: в 3 т. М.: Худож. лит., 1991. Т. 1. С. 151–152. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием тома, страницы в круглых скобках.
- ² Данный вариант перевода был использован в дальнейшем намеренно как специфичный для дореволюционного русскоязычного контекста.
- ³ Комментарии // Гумилев Н. С. Собр. соч.: в 3 т. Т. 2. С. 408.
- ⁴ [Андерсен Г. Х.] Собр. соч. Андерсена: в 4 т. 1-е изд. СПб., 1894. Т. 2. С. 31–33.

Список литературы

1. Воробьева Н. Ю. Надменная Лера и печальная Лаик в поэме Н. Гумилева «Гондла» // Русская речь. — 2010. — № 1. — С. 25–27.
2. Есаулов И. А. Евангельский текст в русской культуре и современная наука // Проблемы исторической поэтики. — Петрозаводск; СПб.: Алетейя, 2011. — Вып. 9. — С. 5–23 [Электронный ресурс]. — URL: http://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1429962763.pdf (30.07.2017).
3. Завельская Д. А. Мотив культурной памяти и идиллический дискурс у Бунина, Гумилева и Ивана Савина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: литературоведение, журналистика. — 2017. — № 1. — С. 17–27.

4. Захаров В. Н. «Вечное Евангелие» в художественных хронотопах русской словесности // Проблемы исторической поэтики. — Петрозаводск; СПб.: Алетейя, 2011. — Вып. 9. — С. 24–37 [Электронный ресурс]. — URL: http://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1429962964.pdf (30.07.2017).
5. Зобнин Ю. В. Николай Гумилев. — М.: Вече, 2013. — 480 с.
6. Кихней Л. Г., Меркель Е. В. Аксиология повседневных вещей в поэтике акмеизма // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2015. — № 1 (33). — С. 129–136.
7. Куликова Е. Ю. «Дальние небеса» Николая Гумилева: Поэзия. Проза. Переводы. — Новосибирск: Изд-во «Свиныйн и сыновья», 2015. — 272 с.
8. Куликова Е. Ю. Тезаурус смерти в лирике Николая Гумилева // Вестник Удмуртского университета. — 2016. — Т. 26. — Вып. 6. — С. 94–102.
9. Милкова Е. Крещение Ирландии и Ирландская Церковь V–IX веков // Альфа и Омега. — 1995. — № 7 [Электронный ресурс]. — URL: <http://aliom.orthodoxy.ru/arch/007/007-milk.htm> (30.07.2017).
10. Ницше Ф. Антихристианин. Опыт критики христианства. — СПб.: Изд. М. В. Пирожкова, 1907. — 94 с.
11. Пороль О. А. Библейский мотив пути в лирике акмеистов // Вестник Оренбургского государственного университета. — 2012. — № 11 (147). — С. 29–32.
12. Степанов Е. Е. Поэт на войне. Николай Гумилев, 1914–1918. — М.: Прогресс-Плеяда, 2014. — 847 с.
13. Степун Ф. А. Сочинения. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. — 1000 с.
14. Филатов А. В. Содержание понятия «адамизм» и состав адамического мифа Н. С. Гумилева // Stephanos. — 2017. — № 3 (23). — С. 117–125.
15. Шубинский В. Зодчий. Жизнь Николая Гумилева. — М.: АСТ: CORVUS, 2015. — 736 с.

Darya A. Zavel'skaya

*St. John the Theologian's Moscow Orthodox Institute,
(Moscow, Russian Federation)*

daralzav@gmail.com

THE GOSPEL MOTIF IN THE WORKS OF N. S. GUMILYOV

Abstract. Historically, the Gospel motif (a message about salvation of the mankind) appeared in various genres of Christian literature. Today in literary studies it becomes urgent to study not only the textual parallels with the Gospel, but also the world model embodied in a literary text. The subject of this study is the Gospel motif and artistic tools of its embodying into the corpus of the N. S. Gumilyov's works. While analyzing Gumilyov's works (poem "Prodigal son", poetic drama "Gondla", poem "The Second Canzone" and "The townlet") the debate between the representatives of Russian modernism is taken into

account. Having mastered the school of symbolist poetics, Gumilyov in his works implements another conception of earthly existence, not opposed to spirituality. Gumilyov's "Poetic sermon" of the enlightened existence is analyzed in the context of his polemic with the philosophy of Friedrich Nietzsche. The article shows that the Gospel motif has become one of the key motifs of Gumilyov's works since 1911. It affects the choice of stories and images, brings together the writings of different genres, reveals in their aesthetics the Christian image of the world, values and ethics. In the poetics of the works one can see a conceptual meaning of a newfound Eden as an element of the worldview.

Keywords: N. S. Gumilyov, "Gondla", "Prodigal son", the Gospel, a poetic sermon, genre, image, plot, motif, Christian worldview

References

1. Vorob'eva N. Yu. Arrogant Lera and Sad Laik in N. Gumilyov's Poem "Gondla". In: *Russkaya rech'*, 2010, no. 1, pp. 25–27. (In Russ.)
2. Esaulov I. A. Gospel Text in Russian Culture and Modern Science. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*. Petrozavodsk, St. Petersburg, Aleteyya Publ., 2011, issue 9, pp. 5–23. Available at: http://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1429962763.pdf (accessed 30 July 2017) (In Russ.)
3. Zavel'skaya D. A. The Motif of Cultural Memory and an Idyllic Discourse of Bunin, Gumilyov and Ivan Savin. In: *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: literaturovedenie, zhurnalistika [RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism]*, 2017, no. 1, pp. 17–27. (In Russ.)
4. Zakharov V. N. "The Eternal Gospel" in the Artistic Chronotopes of Russian Literature. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*. Petrozavodsk, St. Petersburg, Aleteyya Publ., 2011, issue 9, pp. 24–37. Available at: http://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1429962964.pdf (accessed 30 July 2017) (In Russ.)
5. Zobnin Yu. V. *Nikolay Gumilyov*. Moscow, Veche Publ., 2013. 480 p. (In Russ.)
6. Kikhney L. G., Merkel' E. V. The Axiology of Everyday Things in the Poetics of Acmeism. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya [Tomsk State University Journal of Philology]*, 2015, no. 1 (33), pp. 129–136. (In Russ.)
7. Kulikova E. Yu. «Dal'nie nebesa» Nikolaya Gumileva: Poeziya. Proza. Perevody ["The Far Heavens" by Nikolay Gumilyov: Poetry. Prose. Translations]. Novosibirsk, "Svin'in i synov'ya" Publ., 2015. 272 p. (In Russ.)
8. Kulikova E. Yu. Thesaurus of Death in Nikolay Gumilyov's Lyrics. In: *Vestnik Udmurtskogo universiteta [Bulletin of Udmurt University]*, 2016, vol. 26, issue 6, pp. 94–102. (In Russ.)
9. Milkova E. The Baptism of Ireland and Irish Church of the 5th–9th Centuries. In: *Al'fa i Omega*, 1995, no. 7. Available at: <http://aliom.orthodoxy.ru/arch/007/007-milk.htm> (accessed 30 July 2017) (In Russ.)

10. Nietzsche F. *Antikhrisianin. Opyt kritiki khristianstva* [An Anti-Christian. The Experience of Criticism of Christianity]. St. Petersburg, M. V. Pirozhkov Publ., 1907. 94 p. (In Russ.)
11. Porol' O. A. The Biblical Motif of the Path in the Acmeist Lyrics. In: *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of the Orenburg State University], 2012, no. 11 (147), pp. 29–32. (In Russ.)
12. Stepanov E. E. *Poet na voyne. Nikolay Gumilev, 1914–1918* [A Poet at War. Nikolay Gumilyov, 1914–1918]. Moscow, Progress-Pleyada Publ., 2014. 847 p. (In Russ.)
13. Stepun F. A. *Sochineniya* [Writings]. Moscow, Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya Publ., 2000. 1000 p. (In Russ.)
14. Filatov A. V. The Scope of “Adamism” and the Content of an Adamic Myth by N. S. Gumilyov. In: *Stephanos*, 2017, no. 3 (23), pp. 117–125. (In Russ.)
15. Shubinskiy V. *Zodchiy. Zhizn' Nikolaya Gumileva* [The Architect. Life of Nikolay Gumilyov]. Moscow, AST Publ., CORVUS Publ., 2015. 736 p. (In Russ.)